

Таверна Возвращения Весны располагалась в самом сердце уезда Ушань, прямо на оживлённом тракте, соединявшем северные и южные земли. Это было просторное двухэтажное здание из дерева и кирпича: высокий крепкий каркас, добротные толстые балки. Несмотря на простоту убранства, выглядело заведение весьма внушительно. Поговаривали, что у хозяев есть ещё несколько заведений в других краях, включая крупный трактир в городе Цзинчжоу, но старейшая, изначальная таверна находилась именно здесь.

Гость в чёрных одеждах бесшумно сидел в самом глухом углу Трактира Встречи Весны. Отсюда, издалека, ему был виден лишь лавочник, который за конторкой сосредоточенно перепроверял счета. Они уже пересекались несколько раз в прошлом, но гость прежде никогда не удостоивал этого человека вниманием. Теперь же, когда заняться было решительно нечем, он от скуки принялся его разглядывать.

На вид лавочнику было около тридцати лет. Его кожа, гладкая и светлая, словно безупречный нефрит, контрастировала с мягкими прядями длинных волос, а полуопущенные веки придавали лицу выражение глубокого спокойствия. Одет он был в просторный светло-бурый халат, сшитый, по-видимому, из смеси шёлка и пеньки. Гость смутно припоминал, что такую ткань лишь недавно соткали умелые мастерицы из Цзяннани — в столице и других процветающих городах она только-только входила в моду среди знати и чиновников, а здешний лавочник уже щеголял в ней.

По залу сновали расторопные слуги, непрерывным потоком входили и выходили посетители, но лавочник даже не поднимал глаз, полностью погружённый в подсчёты. Рядом с ним стоял юный служка в бирюзовом одеянии, который подносил чай и принимал плату.

На пороге показались несколько девиц с оружием на поясе — из тех, что приходят из так называемого «мира рек и озёр» и гордо именуют себя девами-воительницами. Их появление сразу приковало к себе любопытные взгляды завсегдатаев. Однако лавочник и бровью не повёл, продолжая невозмутимо щелкать костяшками счётов.

Девы усадились за столик. Каждая была хороша по-своему: одна держалась дерзко и бойко, другая — кокетливо, третья дышала холодной отстранённостью, а четвёртая пленяла мягким изяществом. Суждениями о делах Поднебесной они сыпали столь смело и уверенно, что у сидевших по соседству мужчин то и дело перехватывало дыхание от удивления. И всё же лавочник оставался глух к этому представлению, сосредоточенно ведя учёт.

Бойкой воительнице быстро наскучили заигрывания невзрачного на вид разносчика, и она громко крикнула через весь зал:

— Эй, уважаемый лавочник! Чем потчевать будете? Какое у вас вино, какие яства?

Лавочник, по-прежнему не поднимая взгляда, лишь слегка пристукнул пиалой о столешницу. Юный служка мгновенно понял знак, выбежал из-за конторки и с предупредительной улыбкой поклонился гостям:

— Прекрасные старшие сёстры, позвольте мне всё подробно рассказать!

Девушка, хоть и осталась недовольна тем, что её проигнорировали, вынуждена была уступить. Она то и дело бросала раздосадованные взгляды на безучастного хозяина, пока служка расписывал меню, а затем капризно бросила:

— Поддай-ка нам «Изысканные весенние пейзажи»! Мы тоже хотим их попробовать.

Служка растерянно моргнул:

— Но это вино... девам пить не пристало. Для благородных госпож у нас припасено «Сливовое вино из грушевого цвета». Не желают ли почтенные сёстры отведать его?

— Подумаешь! — вспыхнула девушка. — Нам нужны именно «Изысканные весенние пейзажи»! Если его пьют мужчины, то почему женщинам нельзя? Ты что же, презираешь наш пол? Напроситься на взбучку захотел?!

Она потянулась изящной ручкой, силясь ухватить наглеца за ухо, но тот испуганно отпрянул и зачастил с угодливыми поклонами:

— Ладно, ладно! Всё сделаю, как прикажут старшие сёстры!

Вскоре на стол поставили кувшин с розовым ярлыком «Изысканных весенних пейзажей». Стоило сорвать глиняную печать, как по залу растёкся густой, манящий аромат, кружащий голову. На словах девушки были дерзки, но пили на удивление чинно и неторопливо. С каждым глотком они раскрывались с новой стороны, являя то кокетство, то томное изящество, отчего у половины гостей в таверне пошли кругом головы. Лишь лавочник оставался безучастен к этой чувственной игре, продолжая подводить итоги дня, да гость в чёрном спокойно созерцал происходящее со стороны — истинный благородный муж, не подвластный мирским соблазнам.

Поняв, что их чары бессильны, девушки приуныли. Бойкая воительница выглядела раздосадованной, а скромная — растерянной. Но не успели они решить, что делать дальше, как двери распахнулись и в залу вошёл молодой мужчина в белоснежном халате, ведя за руку маленького мальчика. Рукава мужчины были небрежно закатаны, черты лица отличались броской, чувственной красотой, а во всей его осанке сквозила ленивая, праздная грация. Мальчуган, ясноглазый и румяный, весь так и взмок от пота. Стоило им войти, как ребёнок со всех ног бросился к конторке:

— Крёстный, крёстный! Пить хочу, умираю как жарко!

Ледяная стена отчуждения мгновенно рухнула, и на губах лавочника расцвела тёплая, нежная улыбка. Малыш с ходу взобрался к нему на колени, бесцеремонно схватил пиалу с недопитым чаем и жадно осушил её в несколько глотков. Только тогда хозяин ласково спросил:

— И где же ты так набегался, что иссох весь?

Достав шёлковый платок, он бережно отёр пот со лба ребёнка.

Мальчик принялся оживлённо жестикулировать:

— Мы с дядей прыгали на мосту... прыгали и пры... — Вдруг он словно споткнулся на полуслове, испуганно оглянулся на спутника в белом и, поймав его грозный предостерегающий взгляд, тут же зачастил по-другому: — Ой, то есть мы просто ходили гулять в горы! И перешли через мост!

Он продолжал щебетать, отчаянно размахивая ручонками.

Девушки-воительницы тут же перевели взгляды на вошедшего мужчину, не сводя с него замороженных глаз. Одна из них тихонько подозвала проходившего мимо слугу:

— Послушай, а это кто такой?

— Наш второй лавочник, — шёпотом пояснил тот.

— А мальчонка?

— Маленький лавочник.

Утолив жажду, Нинсинь, видимо, совсем разомлел от усталости и вскоре крепко уснул, уткнувшись первому лавочнику в грудь. Ян Е лениво подошёл ближе и недовольно проворчал под нос:

— Ах ты мелкий паршивец, опять моё место занял!

В ответ первый лишь ожёг его суровым взглядом и велел слуге осторожно унести спящего ребёнка наверх, в жилые покои.

Заметив кокетливые взгляды воительниц, Ян Е, будучи человеком обходительным и падким на женское внимание, решил не упускать случая. Он небрежно обошёл залу, лихо закатал рукава и вальяжно направился к их столику.

— Когда столь прекрасные девы жалуют к нам издалека, разве это не истинная радость? — с обезоруживающей улыбкой пропел он и непринуждённо опустился на свободное место рядом с ними.

Сидевший в тени гость в чёрном тихо хмыкнул, подумав про себя: «Наглец... Ни капли не изменился».

У того столика тем временем повсюду кипело веселье. Ян Е без умолку сыпал шутками, уговаривая девиц пригубить вина да отведать лучших блюд, а сам под шумок пустил в ход руки и ноги под столом. То он невзначай задевал изящную ножку бойкой девицы, то приобнимал за талию скромницу, лаская её бедро. И вот уже задиристая воительница позабыла про всю свою спесь, смущённо заливаясь румянцем, а её кроткая подруга жеманно дула губы, делая вид, что сердится.

В самый разгар этого кокетливого хаоса в таверну, тяжело дыша, ворвался местный крестьянин и с порога заголосил:

— Беда! Беда приключилась! В Ущелье Капающего Нефрита навесной мост оборвался! Люди рассказывают, будто видели, как какой-то безумец с малым дитятей на руках прыгал да скакал посреди моста, пока цепи не лопнули! Что за дикари объявились в наших краях, откуда столько дури?! Теперь на обоих берегах толпа собралась — ни пройти ни проехать, все на чём свет стоит костерят этих окаянных прыгунов!

Первый лавочник резко поднял голову и устремил на своего компаньона ледяной, пронзительный взор. Атмосфера вокруг мгновенно накалилась до предела — девицы даже вздрогнули от внезапного озноба и испуганно притихли. Ян Е торопливо вскочил, намереваясь потихоньку выскользнуть наружу и переждать бурю, но хозяин разгадал этот манёвр наперёд.

— А ну стоять! — отрывисто приказал он.

Виновато улыбаясь, нарушитель спокойствия покорно поплёлся назад и склонился к самому его уху, умоляюще зашептал:

— Да ладно тебе, это вовсе не моя вина... Ну хорошо, хорошо! Мост так забавно пружинил под ногами, я просто решил немного порезвиться, совершил пару-тройку прыжков. Кто же знал, что эта ветхая развалюха развалится от малейшего толчка? Я сам всё исправлю, найму плотников, договорились? Только дай мне немного серебра.

Первый лавочник лишь холодно хмыкнул и перевёл тяжёлый взор на заезжих воительниц. Под этим леденящим взглядом вся их былая удаль и спесь мигом улетучились. Позабыв о гордости, они засуетились и наперебой принялись звать бирюзового служку, требуя немедленно их рассчитать. Впрочем, та скромная девица так и не смогла окончательно совладать с нахлынувшими чувствами. Набравшись смелости, она завернула серебряные монеты в надушенный шёлковый платок и указала на сурового хозяина. Когда слуга поднёс эту плату к конторке, девица одарила лавочника долгим, полным немого призыва взглядом, после чего поспешно удалилась вместе со своими подругами.

Ян Е бесцеремонно выхватил платок из рук слуги. На нежном шёлке среди речной травы красовалась искусно вышитая пара неразлучных куропаток. Разглядев узор, он покачал

головой и разразился хриплым, весёлым смехом:

— Надо же! Она положила на тебя глаз! А я-то, дурак, распинался перед ними зря. Вечно ты ходишь с недовольной миной. Наконец-то заглянули симпатичные девицы, да ещё и выказали тебе благосклонность, а ты их просто взял и выставил вон. — Он протянул руку и ласково перебрал мягкие пряди волос своего спутника. — Какое же это наслаждение — коснуться женского бедра. Кожа гладкая, нежная... точь-в-точь как твои шёлковые волосы.

— Бесстыжая твоя рожа, — беззлобно выругался хозяин. — Мало я тебя учил.

На словах он сурово хмурился, но даже не подумал ударить наглеца. Вместо этого он достал из-под прилавка увесистую пачку серебряных векселей и сунул её в руки компаньону:

— А теперь проваливай с глаз моих и без починенного моста не возвращайся.

Ян Е тут же перепоручил деньги слуге, велел тому отыскать лучших плотников в уезде, а сам с заискивающим видом попытался прильнуть к плечу сурового друга. Тот, впрочем, решительно оттолкнул его. Ничуть не смутившись, наглец уселся рядом и принялся вовсю приставать с расспросами, ластиться и шутить. Немногие оставшиеся посетители явно не в первый раз наблюдали эту картину и даже бровью не вели.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небосвод в багровые тона, и горы вокруг постепенно погружались в глубокие сумерки. К конторке подошёл слуга и почтительно протянул хозяевам свёрток:

— Хозяин, господин в чёрном одеянии, что сидел в углу, перед уходом велел передать это вам.

Ян Е с любопытством принял посылку, развернул плотную ткань и ошеломлённо застыл:

— Это же... «Белые брови Трёх Чистот»?

Внутри лежало никак не меньше пяти цзиней отборного чайного листа — редчайшего сорта, который поставлялся исключительно к императорскому двору, да и то в куда меньших количествах. Запустив руку глубже, он нащупал плотные свитки бумаги. Развернув их, он потерял дар речи: это были купчие и права владения на два богатейших медных рудника в Эчжоу.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, а затем, бросив свёрток, опрометью выбежал на улицу. Однако таинственного гостя и след простыл — его силуэт давно растворился в сумерках. В груди разлилась щемящая тоска. Тот благородный, величественный человек преодолел тысячи ли ради этой встречи, а он даже не успел поприветствовать его как подобает, не говоря уже о том, чтобы отплатить за столь щедрый дар. От этой мысли к глазам невольно подступили горькие слёзы.

Тем временем путник в чёрном уже миновал границу уезда Ушань. Сопровождавшие его телохранители бесшумно скользили следом, выходя из лесной тени. Шагая по горной тропе, путник негромко ворчал себе под нос:

— Подумаешь, обрушил какой-то мост да приобнял девицу! Стоило ли так свирепствовать и осыпать его бранью? Чтобы выпросить жалкие крохи на починку, ему приходится чуть ли не на коленях перед тобой ползать. Хм! Теперь, когда я отдал ему эти рудники, он волен обрушить хоть все мосты в Поднебесной — золота хватит отстроить их заново. И пусть обнимает кого вздумается, больше ему не придётся терпеть твои вечные придирки и выслушивать нотации.

Один из преданных стражников догнал его и почтительно вставил:

— Но ведь господину эти нахлобучки, верно, только в радость. Стоит ли Вашему Величеству так сокрушаться? Не тревожьте своё сердце понапрасну, нам пора возвращаться в столицу.

Их силуэты медленно растворились в густом горном тумане, пока окончательно не растаяли в наступающей ночи.

<http://bllate.org/book/19546/1998898>